

Сергей Дышев

По сценарию автора романа
снят 8-серийный блокбастер
«Сыщики районного масштаба-2.
Девять апельсинов».
Исполнители главных ролей
Сергей Горобченко,
Алексей Панин,
Сергей Муравьев.

Кладбище для однокла\$§ников

Жанр
детектив

Школа № 2773

Место встречи
Конспиративная
милицейская квартира
Морг

Подозреваемые
Безденежный
Вершинский
Жогин
Заморёнов

Главный
подозреваемый
Колессо

Сергей Дышев

Одноклассники играли в убийство

«ЭКСМО»

2008

Дышев С. М.

Одноклассники играли в убийство / С. М. Дышев — «Эксмо»,
2008

© Дышев С. М., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Дышев

Одноклассники играли в убийство

* * *

Мигульский опустил трубку на рычаг и сказал: «Ну, достали!» Он имел в виду себя. Телефон сегодня напоминал капризного младенца: едва отойдешь – тут же трезвон. Битый час Мигульский порывался выскочить в буфет, чтобы проглотить чашку кофе, но новый звонок возвращал его обратно. Из трубки кричали – не разобрать, то ли ветеран, то ли инвалид интернациональной дружбы, потом долго и надривно негодовал по поводу политики цен какой-то учитель шведского языка. Когда до закрытия буфета оставалось десять минут, Мигульский насильно распрощался с учителем и поспешно нагнулся, чтобы выдернуть провод из розетки. Но тут вновь затрезвонило, причем как-то непривычно, нетребовательно, но просяще. А может, так ему показалось. Мигульский, конечно, выругался и, разогнувшись, сказал сам себе: ровно минуту – и точка. Как всегда, журналист оказался в нем сильнее.

Это был его одноклассник Игорь Шевчук, уволенный из армии в чине капитана после контузии, полученной в Чечне. Мигульский случайно встретился с ним в коротенькой чеченской командировке, после которой написал бравурный, украшенный чудовищными эпитетами очерк о ротном Шевчуке.

Как и каждый газетчик, знакомых он вспоминал прежде всего по своим материалам. И сейчас, услышав фамилию Шевчук, сразу вспомнил тот давний очерк. Назывался он, кажется, «Постижение высоты».

Шевчук тут же стал рассказывать о полученном им странном письме. Касалось оно его боевого прошлого, а еще в конверте лежал пригласительный билет в загородный отель с дурацким названием «Завалинка».

– Ладно, Игорь, – нетерпеливо перебил Мигульский, уже поняв, что капитан слегка пьян. – Ты где сейчас?.. Ясно. Жди, приеду.

Он спустился во двор, где стояла его машина – ярко-зеленая «Нива», подумал на ходу: пить или не пить ему пиво вместо несостоявшегося кофе. Ехать было недалеко – к Центральному базару, там Шевчук ждал его у единственной, пожалуй, во всей Московской области пивной бочке на колесах, своего рода раритет, воплощенное напоминание о временах социализма...

Базар, как всегда, пустовал, – после того, как его переименовали в Центральный, а назывался он раньше то ли Селянский, то ли Крестьянский. Мигульский прошел мимо прилавков. Из-за забора доносился однородный гул: вокруг бочки шевелилась, рокотала, увлажнялась пивная братия.

Шевчука он заметил не сразу. Тот сгорбился за «стояком», перед ним стояла поллитровая банка пива. Рядом с воодушевлением шелушили рыбу двое краснолицых мужиков. Шевчук что-то говорил им, но те почти не обращали на него внимания, потому как рыбы им самим было мало.

Игорь заметил Мигульского, пьяно махнул рукой:

– Эдик, давай сюда! Я уж совсем заждался тебя...

Мигульский пожал руку, выдал улыбку, решил не возражать.

– Держи место, я сейчас! – Шевчук быстро допил пиво, вытер усы. – Только дай пару «рябчиков»...

Получив деньги, он твердым шагом направился к продавцу пива – бронзоволицему узбеку, похожему на киноиндейца, сунулся без очереди. Его толкнули, очередь взревела.

– Мужики, спокойно! Не будем! После ветеранов Отечественной я – второй иду. Скажи им, Натан!

Продавец что-то буркнул, наполнил бокалы, молча сунул Шевчуку.

– Мы воевали! – хмыкнул один из краснорожих.

– И вы тоже? – повернулся Мигульский и снял очки. Когда он носил их, то был похож на пожилого отличника.

– Да не-ет... – Мужик вяло махнул рукой. – Товарища вашего так здесь прозвали... Чуть что: «Мы воевали». Документик какой-то вечно показывает...

Мигульский покачал головой и очень натурально вздохнул:

– Жалко этих ребят... Я ж его, дураля, ёкалэмэнэ, по Чечне знаю. Такой мужик там был. А сейчас...

– Эт-точно...

Подошел Игорь, грохнул бокалами по столу.

– Вот, вырвал. На, сдачу бери... Пей... – Он сделал несколько жадных глотков. – Отличное пиво.

– У Натана всегда клевое пиво, – веско произнес тот же краснорожий.

– Это потому, что он не разбавляет... – пояснил Игорь. – Он сам говорит: «Я никогда не разбавляю. Вот не доливаю – это да».

– Зачем хороший напиток портить...

– Натан дело свое знает. На весь город один такой: куда идти на пиво? К Натану!

– Теперь будет доливать, – вдруг заметил второй краснорожий. – Он позавчера свой «жигуленок» разбил.

– Да ты что?! – всплеснул руками Шевчук. – Где его угораздило?

– Ничего, купит новую, – усмехнулся Мигульский и подумал об оставленной машине.

– Берите, угощайтесь! – подобрел вдруг второй краснорожий и протянул рыбий хвост. Шевчук молча принял его, стал лениво шелушить.

– Ну, где твое письмо? – спросил Мигульский. Компания краснолицых ему уже наскучила.

– Погоди, не здесь...

Игорь уставился в одну точку, помрачнел, надолго задумался. Мигульский потягивал пиво, косился в сторону товарища. Тот хмурился, сжимал кулаки и, кажется, вот-вот собирался грохнуть по столу от беспричинной своей тоски. Наконец он очнулся, поднял голову:

– Будешь еще?

– Нет, пошли уже... Покедова, мужики, – кивнул Эдик.

Шевчук покорно поплелся за журналистом.

Дома у Мигульского они уселись в кресла, Игорь достал письмо, отпечатанное на машинке, протянул хозяину.

«Уважаемый Шевчук!

Пишет вам письмо двоюродный брат погибшего в бою с душманами прапорщика Стеценко. Я знаю, что вы были командиром роты и были начальником моего брата Владимира Стеценко. Я очень плакал, когда узнал о его гибели. Он мне дорог как брат, и я хотел бы знать, как он погиб, потому что не верю, что он мог умереть. Гроб был закрытым. Он писал про вас, как вы брали караваны с наркотиками. Предлагаю и прошу приехать в отель „Завалинка“. Есть дело. Пригласительный билет высылаю. Все оплачено. Не пожалеете, до встречи там – брат Владимира Стеценко – Евгений».

– Ну, что скажешь? – спросил Шевчук после того, как Мигульский брезгливо отбросил страничку с машинописным текстом.

Вместо ответа Эд разлил в крохотные золотистые чашечки крепко заваренный кофе и приказал:

– Пей!

– Кофеем – на пиво? Ор-ригинально, – покачал головой Шевчук и, неловко ухватив своей ручищей чашечку, разлил кофе на скатерть.

– Извиняйте...

Мигульский не ответил, скрипнул зубами.

Пришедшая было на ум затея написать о былом герое Чечни, который стал завсегдаем пьяной подворотни, поблекла и уже не казалась интересной и необычной. «Скучно, господа, скучно, – думал куртуазно Мигульский, – писать о несчастном отставном капитане». Он с раздражением глянул на кофейную лужицу. «И чего я понесся вскачь? Выпить вонючее пиво из грязного бокала, пообщаться с пролетариями и ознакомиться с каким-то идиотским письмом», – Мигульский подавил зевок и хмуро глянул на собеседника.

Шевчук поднял голову, внимательно посмотрел на Эдика, покачал головой и совершенно трезво сказал:

– Ты извини меня, Эд. Отнял у тебя время. Знаешь, что я тебе хотел сказать? Это письмо мне просто душу вывернуло... Я не хочу ни с кем встречаться, никуда ехать. Я хочу забыть Чечню.

Он пошарил по карманам и достал сложенную пополам гляцевую картонку.

– Вот, возьми, съезди туда. Ты – журналист, тебе будет интересно...

Мигульский взял черный лакированный прямоугольничек. На нем прорисовывались очертания избышки, а золотом были оттиснуты изображения месяца и надпись: «Отель „Завалинка“.»

Шевчук возился у двери, открывал замок.

– Стой, куда ты? – всполошился Мигульский.

– Пора.

Эдик пружинисто встал, мягко взял Шевчука за локоть.

– погоди, у меня еще выпить есть.

– Думаешь, мне только выпивка нужна? – Шевчук резко отстранил руку. – Эх, журналист, напиши в своем интервью, что места мне нет ни здесь, ни на войне.

– Да постой ты! – сокрушался Эдик.

Но Шевчук круто повернулся – Эд сразу почувствовал его силу, – захлопнул за собой дверь. Мигульский вздохнул, выключил свет, подошел к окну. Моросил дождик.

Шевчук долго не появлялся, наверное, курил, наконец вышел из подъезда, оглянулся и быстро зашагал прочь...

Обратная сторона пригласительного билета имела нежно-сиреневый цвет.

Не думайте, что ваша жизнь обыденна, размеренна и скучна, что все приключения для вас уже давно позади.

ВСЁ – ВПЕРЕДИ!

Предупреждаем: в отеле «Завалинка» вас ждет жуткое, умопомрачительное, загадочное, неожиданное и совершенно сногшибательное шоу, действие, в котором вы участвуете САМИ и которое называется «ЧИСТО РУССКОЕ УБИЙСТВО» (не путать с английским вариантом).

Администрация обязуется:

в течение недели давать колоссальную нагрузку вашей нервной системе, после чего последует «убийство». Ждите с вожделием!

дать вам возможность почувствовать себя в роли: а/жертвы, б/подозреваемого в убийстве, в/следователя, г/свидетеля.

А также – решать все бытовые и прочие вопросы вашего проживания у нас на уровне лучших мировых стандартов. Ваш гурманский вкус

удовлетворяют замечательные рецепты русской национальной кухни. И все это мы гарантируем на 100%!

Разумеется, мы полагаемся на ваше взаимное понимание ситуации и уважение.

АДМИНИСТРАЦИЯ – РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

– Черт меня побери, но о подобном я где-то уже слышал, – пробормотал Эд. Он стал лихорадочно рыться в стопке газет, наконец вытащил потрепанную «Зюддойче цайтунг», развернул. Информация называлась «Убийство в конце недели». Запинаясь на некоторых позабытых словах, он стал переводить.

«Стать участником стремительно развивающейся драмы, построенной согласно всем законам детектива Агаты Кристи, предлагают в конце недели своим посетителям некоторые британские отели. Группа актеров, действующая среди гостей отеля и при их непосредственном участии, сплетает и запутывает тонкие нити интриги, концы которой находятся у мистера Джоя Свифта, сотрудника компании „Убийство в конце недели“. Знание о том, что это всего лишь детективная игра и не больше, не мешает гостям увлеченно участвовать в ней. Каждый действует так, как это ему свойственно в обычной жизни – осторожно, скептически, недоверчиво. Кульминация должна состояться на роскошном ужине в субботу вечером, куда гостям надлежит являться только в невероятных, шокирующих вечерних туалетах. За ужином гости развлекаются, танцуют, едят и пьют. Число отелей, в которых работают сотрудники фирмы, весьма возросло. „Убийство“ совершается в многочисленных отелях 17 городов Британии. Один день пребывания в таком отеле стоит от 145 до 155 фунтов стерлингов».

Успешно перенимаем западный образ жизни... Все же там ребята мастаки по части развлечений. Интересно, как англичане отнесутся к такому плагиату? Мигульский повертел в руках лакированную карточку. «Чисто русское убийство». Страхуются от неприятностей – никакого отношения к английскому шоу».

Размышления Мигульского прервал телефонный звонок. На проводе был московский шеф. После дежурных фраз он поинтересовался статьей о применении гербицидов, которую заказали одному доктору наук. Потом спросил:

– Ну, чего у вас там новенького, скандального, эпохального?

– Да ничего особого, Викентий Павлович, – ответил Эд. – Есть заметки для корреспонденции, проблемной, обстоятельной о делах объединений ветеранов Чечни.

– Ветеранов? Ну, это вряд ли потрясет нашего обывателя...

– Кстати, Викентий Павлович, как мои заметки с пленума писателей?

– Ну как тебе сказать? – прогудел шеф. – Написано хорошо, но еще лучше сокращается...

Шуточка была общеизвестной и обозначала, что материал будет скорей всего похоронен.

– Ясно... – вяло отозвался Эд. – А вот репортаж, скажем, «Три часа из жизни регулировщика»? – на ходу выдумал он. – Или вот прекрасная тема – «Дети гастарбайтеров» – с выкладками генетика и педиатра о недопустимости использования детского труда?

– Было, старик, было... С такими темами ничьих представлений не опрокинешь, – сказал шеф еще одну свою любимую фразу.

Даже через телефонную трубку можно было понять, что Викентий Павлович заскучал.

– Есть еще одна темка, – как бы с неохотой начал Мигульский, скосив взгляд на черную картонку. – Правда, не знаю, потрясет ли она широкие массы...

И Эд бесстрастно живописал все то, что знал о загадочном отеле.

– Старик, а ты знаешь, это любопытно, – шеф замолк, и Мигульский тотчас представил его развалившимся в кресле, вельможного, седогривого, в тенниске и, как всегда, покачивающего мерно ногами.

– Ты, говоришь, неделя детективной игры?... Неплохо придумано. Не знаю, как там на деле поставлено, но интересно.

И шеф разразился долгим монологом о досуге, которого как такового вообще-то и нет, а в то же время на проклятом Западе существует целая индустрия развлечений...

– Съезди-ка туда, посмотри, сделай очерк, или что там получится. Закрути в духе детектива. В размере не ограничиваю. Проведи мысль: народ тоже имеет право на шикарный, нетрадиционный отдых.

– Не очень тянет меня на это дело, Викентий Павлович, – осторожно стал отказываться Эд.

– Не понял тебя...

– Тема деликатная, интеллектуальная. Ведь это детективная игра. Здесь столько нюансов, тонкостей, наскоком не решишь, надо вникать. Не хотелось бы опускаться до пошлой рекламки этому отелю. Тем более, как я понял, в рекламе они не нуждаются...

– В общем, не сачкуй, – перебил шеф. – Давай-ка туда на всю неделю, на весь сюжет. Расходы возьмем в счет редакции. Только ты там не сильно усердствуй по части излишеств. А то вкатят круглую сумму.

– Понял, Викентий Павлович, – после паузы произнес Эд. – Значит, со следующей недели туда...

– Давай.

Наутро Мигульский поехал к Натану. Но Шевчука у бочки не было, и никто его не видел. Эд вернулся в машину, двинулся по Саперной, надеясь поймать Шевчука на подходе к «пивняку», завернул на Госпитальную. И там, у голубых стен церкви, увидел капитана в форме десантника. Это был Шевчук. Он рассеянно смотрел перед собой, фуражку – держал в руке и, кажется, был не в себе.

– Игорь! – Мигульский тормознул, высунулся из машины. – Садись, разговор есть.

Так же отрешенно Шевчук глянул на Эда, наконец сообразил, кто перед ним, молча сел на заднее сиденье.

– Поедем ко мне.

– Поехали...

– Что с тобой сегодня? При полном параде, а не в духе... Чего нарядился-то? Вроде сегодня не 23 февраля.

– Сегодня 1 июня...

– А-а, День защиты детей. А дядя десантник – олицетворение и символ этой защиты, – хохотнул Мигульский, довольный собой. Но, заметив в зеркальце каменное лицо капитана, осекся.

– Ровно восемь лет назад в Чечне полегла моя рота. Уцелело всего пять человек. «Духи» просто не успели нас добить...

Они подъехали к дому, поднялись по лестнице. Мигульский открыл дверь, сразу прошел на кухню, наскоро приготовил яичницу, вытащил из холодильника припасенную бутылку водки.

– Давай, перекуси, наверное, ничего не ел с утра.

Шевчук молча снял рубашку с погонами, остался в полосатой десантной майке.

– Давай, что ли, за моих ребят...

Он встал, выпил одним махом. Эд неловко приподнялся вслед за ним, выщедил рюмку.

– Да ты весь посеченный, – Мигульский впервые заметил многочисленные шрамы на плечах и руках Игоря.

– Граната под ногами разорвалась.

Мигульский сочувственно кивнул.

– Чего тебя потянуло в церковь?

– Покаяться приходил, – Шевчук тяжелым взглядом уперся в глаза Эда. Тот молчал. – Пришел, постучал в дверь, не открывают. Стучу еще – выглядывает попик, серьезный такой.

Спрашивает: «Вы что хотели, молодой человек, у нас сегодня закрыто, приходите завтра». А я ему: «Почему это русский офицер не имеет права войти в православную церковь?» Он слегка ошалел, развел руками, – пропускает. Входим, значит, вдвоем в храм. Говорю ему: «Покаяться пришел... В этот день мои товарищи по оружию, значит, смерть приняли на чужой земле. Я же, как командир, вину перед ними чувствую. И вина моя, говорю ему, велика, и не жить мне, застрелиться готов...»

– Ну, Игореня, хватил, – Мигульский укоризненно покачал головой и усмехнулся. – И чем же ты стреляться надумал?

Шевчук разогнулся, потянулся к кителю, который лежал на диване, вытащил пистолет и со стуком положил перед Эдом. Тот слегка растерялся.

– Хм, хороша штучка.

Он взял оружие в руки, сразу почувствовав его особую тяжесть и прохладу.

– «Браунинг», калибр 9 миллиметров... Когда-то изучал системы. – Мигульский достал с полки диктофон, нажал на кнопку. – Ты не против, если я буду записывать?

– Убери его к черту! Дай мне выговориться...

Шевчук взял сигарету, безотчетным движением оторвал фильтр, зажег, затянулся.

– Вот так и сказал ему: жизнь мне в тягость.

Батюшка серьезным стал: «Тяжкий грех совершишь. Ты есть человек, и рождение тебе дано от бога, жизнь и смерть твоя тоже от бога. И великий грех в том, когда хочешь уйти от самого себя...» – У Игоря стала дергаться щека, и Эд поспешил налить ему водки. Шевчук выпил не глядя.

– Покаялся я перед ним. Сказал, что много людей погубил, хоть и иноверцев, но все равно, люди это были, и не нужно все это было, и покою мне нет, потому что пацаны молодые в землю зарыты, а я, седой, маюсь, хожу по земле, и убитые все перед глазами стоят... А он говорит мне: «Если душа болит, значит, вину знаешь свою, прощения ищешь. Только не ищи оправдания в самом себе – к людям иди, добро делай». А к кому идти мне? Я никому не нужен. Меня убивали в Чечне, я стал инвалидом, от меня ушла жена, и дочь меня забыла... Выслушал он меня, покачал головой. Ты, говорит, храбрый человек, вижу, что десантник, а речи ведешь, как слабая женщина. Ты шел в бой, думал: все, что делаю, – во благо Отечества. Враг убивал тебя – и меч с мечом сошелся, такова война. Пусть душа твоя спокойной будет – нет твоей вины, ты был солдатом. А душу свою к людям обороти. Божье слово гласит: если кто стучится в дверь, то она откроется перед ним. Вот ты постучал – и я отворил, выслушал про твои горести. Иди, говорит, и ищи свой смысл в жизни. Поставил я свечки за упокой душ убиенных да и пошел искать этот смысл. Тут и тебя принесло...

– А что было в том бою? – спросил Эд.

– Бросили нас на высоту и оставили отбиваться... Раненые без воды кончались...

Шевчук замолчал, порывисто затянулся, раздавил окурочек, потом стал вертеть его в руках. Крошки табака сыпались на пол.

– Ведь этого Стеценко я убил. Из автомата. Он первым стрелял. Промахнулся. Все выпендривался: я ветеран Чечни, мне все позволено... Здоровый битюг. Старшиной был у меня в роте, все время с ним на ножах были. Все из-за мародерства. Я его предупреждал... Письмо это... Ты не думай, что я испугался. Все равно никто ничего не докажет. Только один человек видел – Козлов. Не знаю, где он сейчас. Но он должен был молчать. Крутой парень, мы с ним в таких переделках были. Однажды, помню, козла сырого жрали. Печень вытащили – и жрали. Этот Козлов одного подонка с обрыва скинул. Трушина...

– Ты закуси! – осторожно напомнил Мигульский, не зная, как ему распорядиться обрушивающейся на него информацией.

Шевчук ткнул подсохший желток, заговорил снова.

– Ты не думай, я не боюсь этой встречи. Просто мне обрыдли эти воспоминания. Встречался с родителями одного своего парня. Так знаешь, что они мне кричали? Почему ты, командир, жив, а солдат, их сын, погиб? Знаешь... Так мне и орал в лицо. – Игорь стукнул вилкой по столу, горько усмехнулся. – Все вы, журналисты, знаете.

Мигульский не отреагировал, подошел к шкафу, вытащил из-за стекла приглашение.

– Забирай. Я еду за счет редакции. Вчера я подвел шефа к мысли, что мне необходима командировка в отель. Буду пропагандировать современный стиль отдыха.

– Который должен заканчиваться убийством?

– Посмотрим. Короче, я предлагаю ехать вместе.

– Я буду в качестве консультанта по убийству? – мрачно спросил Шевчук.

– Зачем нам неучи, если есть мастера? Давай сразу в качестве исполнителя! – хохотнул Эд и в следующий миг увидел перед глазами ствол пистолета.

Мигульский отпрянул. В стеклах его очков трепетало отражение черного браунинга. Шевчук медленно стал давить на курок. Раздался сухой щелчок. Мигульский вздрогнул всем телом, нервно выскочил из кресла.

– Ты что, идиот?

Шевчук отрицательно покачал головой.

– Лоб у тебя заблестел. – Он извлек из пистолета пустую обойму, бросил на стол.

Мигульский снял очки, вытер лоб. А Шевчук поковырялся в кармане, вытащил аккуратный желтый патрон.

– Никогда не шути так, Эдик.

– Это еще надо разобраться, чьи шутки более дурацкие, – выпалил Мигульский.

– Или более подлые?..

– Ладно, Игорь, я не хотел тебя обидеть. – Эд взял бутылку. – А ты мужик резкий. Не хотел бы с тобой повстречаться... на тропе войны.

– Мне не наливай.

– Тогда я сам выпью.

Мигульский выпил полстакана, спросил:

– Откуда у тебя пистолет?

– Ребят попросил, принесли в последний день перед отлетом из Чечни. Я санитарным самолетом летел, весь забинтованный. В общем, провез. Как чувствовал, что здесь понадобится.

– И приходилось стрелять?

– Пока только в воздух. Но очень отрезвляет. Лучше всякого душа. Я ведь после того, как меня по здоровью из армии поперли, кем только не был. Военруком был – нервы не выдержали учить юных отморожков... Я ведь после контузии слегка припадочным стал. В ДОСААФе работал, а там узнали, что я контуженный, – и тихо мою должность сократили. Шоферил немного, разнорабочим был, дворником. А сейчас вот – грузчик. Как навалит иной раз на спину, в голове – туман, сердце лопается, а перед глазами словно горная тропа шатается. И вперед, вперед!

Шевчук порывисто встал, застегнул рубашку, взял на руку китель, подошел к открытому настежь окну.

– Какая чудная ночь. Теплая, мягкая, будто в огромном, хорошо протопленном доме. И не хочется, чтобы эта ночь кончалась...

Игорь взял фуражку, надел, привычным движением поправил козырек.

– Ну, жди, приеду.

– Пригласительный забирай.

– Меня там и без него примут... – заметил Шевчук, но билет взял.

Когда капитан ушел, Мигульский подумал: «Все же не случайно в письме упоминалось о караванах с наркотиками».

Его журналистская интуиция подсказывала, что грядут самые неожиданные события. От волнения у Эда зачесалась спина, и он на манер хряка почухался о дверной косяк, чего, условно, никогда бы не позволил себе на людях.

...Извилистая дорога вывела на пологий участок. За бетонной стеной, среди деревьев, угадывались очертания черепичной крыши. Мигульский притормозил и посигналил. В железных воротах с табличкой «Соблюдайте тишину!» открылось оконце, появилось смуглое лицо, которое с акцентом спросило:

– Что вы хотели?

Вместо ответа Мигульский сунул в окошко редакционное удостоверение. Человек взял удостоверение и захлопнул створку. Прошло пять минут, потом десять, Мигульский уже собирался барабанить в ворота, но тут послышался гул электродвигателя, ворота разверзлись. Эд въехал во двор. Навстречу с беломраморного крыльца шагнул высокий мужчина лет сорока спортивного телосложения, в черной рубашке и ярко-красном галстуке. Во внешности его не было ничего примечательного, кроме, пожалуй, особенной цепкости во взгляде. Эд мельком оценил великолепно выполненную прическу, белые брюки и туфли.

– Эдуард Мигульский, – представился Эд и протянул руку.

– Распорядитель отеля, к вашим услугам.

– Простите, не расслышал вашего имени-отчества.

– Самсонов, если вам угодно. Итак, что привело к нам журналиста центральной газеты?

– Профессиональное любопытство и редакционное задание. Видите ли, новые формы отдыха, тем более, такого необычного, будут интересны для нашего читателя. Тем более люди порядком устали от политической болтовни. Надеюсь, вы уделите мне некоторое время.

– Как вам будет угодно.

– Я сразу хотел бы попросить вас предоставить мне возможность понаблюдать весь ход детективной истории.

– Видите ли, в рекламе мы не нуждаемся. К нам записываются в очередь. Впрочем, для вас можем сделать исключение. Единственное, что придется сделать непременно, – оплатить ночлег и питание. Но, предупреждаю сразу, это недешево.

– Вы очень любезны. Конечно, я согласен на ваши условия.

– Тогда прошу в кабинет.

Они поднялись на второй этаж, прошли в просторное помещение, которое напоминало не привычный директорский кабинет, а скорее обитель писателя прошлого века: огромные застекленные шкафы с книгами, тяжелые массивные шторы, гобелены, канделябры в виде русалок, старинные бронзовые подсвечники на бархатной скатерти огромного стола, фолианты, мерцающие тусклым золотом корешков.

– Скажите, к чему такая секретность? – осмотревшись, спросил Мигульский. – Бетонные стены, окошко в воротах...

– Внесу ясность: вы находитесь на даче одного из опальных олигархов, сейчас он за решеткой. С домиком долго не знали, что делать; были разные варианты, не буду пускаться в подробности, но все это было нерентабельно, дача пустовала. В конце концов пришел я, предложил поставить дело и пообещал им хорошую прибыль за аренду. Причем в самые короткие сроки... и пока это мне удастся... А что касается стен из бетона, секретности – то нашим гостям это жутко нравится. За железными воротами они сразу чувствуют, что попали в некие закрытые сферы, выделались из общей массы, а это, согласитесь, так притягательно для людей, воспитанных в наших традициях. А теперь, Эдуард, простите, как ваше отчество?

– Просто Эдуард. В наших кругах стараются избегать длинных обращений. – Распорядитель слегка наклонил голову.

«Какие утонченные манеры, – оценил Мигульский. – А стрижка явно у первоклассного мастера».

– А теперь, если не возражаете, я покажу вам отель.

– С удовольствием, – проговорил Эд.

Общаться с людьми светского воспитания было для него наслаждением. «Да, это не интервью с чукотским скотоводом», – подумал он.

По небольшому коридору прошли в просторное помещение с огромной хрустальной люстрой под потолком.

– Зала, – произнес Распорядитель. – Здесь гости будут собираться, спорить, выдвигать версии... Кое-какие не растасканные вещи остались от прежнего хозяина, – пояснил Распорядитель, заметив, как Мигульский рассматривает люстру. – Я настоял. Конечно, для удобства гостей пришлось кое-что переоборудовать. Кстати, у меня нет ни одного одинакового номера. Давайте поднимемся на второй этаж... Вот, взгляните...

Он мягко нажал на бронзовую ручку, раскрыл массивные двери.

– Вот, полюбуйтесь: желтая комната, синий кабинет и красный будуар. Все рассчитано на одну семью. Обратите внимание на эти розовые балдахины над кроватью. Какая воздушная, просто невесомая вуаль. А какая тонкая вышивка! По нынешним ценам это, сами понимаете...

Распорядитель чуть улыбнулся и добавил:

– Разумеется, гостям об этом не говорю. Мой принцип – все для клиента, который так истосковался по роскошной и красивой жизни.

Распорядитель подошел к огромной кровати и отдернул занавес.

– Полигон для любви, – пробормотал потрясенный Эд.

– Супружеское ложе. Веками освященное место для таинства, символ вечности уз, спокойствия, отдохновения. Дормиторий, как говорили древние... Это самый роскошный номер. Он выполнен в стиле какого-то там по счету Людовика. Не стану кривить душой – не знаю. По секрету скажу вам: никто не знает, даже искусствоведы, чем отличается канделябр или, скажем, туалетный столик времен Людовика XIV от моды во времена, к примеру, Людовика XVI. Увы, весь этот внутренний антураж – подделка. Но довольно искусная. Все это делалось по спецзаказу на киностудии. Но это, прошу вас, не для печати. Надеюсь, без этих подробностей гласность не пострадает.

– О, да, разумеется! Ведь время гласности для эпохи Людовиков еще не наступило.

– Знаете, моя концепция такова: наш посетитель должен полностью чувствовать себя в мире героев Агаты Кристи, Жоржа Сименона, Чарльза Перси Сноу... И пусть хоть на время останутся по ту сторону бетонных стен все их горести, проблемы, погоня за баблом. Поэтому я и ставлю помимо игры на светские манеры, роскошь, хорошую кухню. Правда, по нынешним временам это весьма трудно, весьма... Моему коммерческому директору крутиться приходится изрядно. Думаю, кухня вам понравится. Две вещи я сознательно исключил из обихода в номерах: телевизор и телефон. В моем отеле нет ни одного телевизора, можете проверить. Сначала я хотел установить видеоплеер, показывать фильмы ужасов, детективы. Но потом отказался от этой затеи. Ни к чему навязывать какие-то стереотипы. Я поступил по-иному: сделал подвал ужасов.

– Вы меня ознакомите с ним? – тут же спросил очарованный Мигульский.

– Только не сейчас, в ходе игры.

– Скажите, товарищ Самсонов...

– Прошу вас называть меня, если не затруднит, господин Распорядитель. Это одно из условий игры. Договорились? Ведь для вас игра уже началась, не так ли?

– Как прикажете. Я хотел бы узнать, как вам, господин Распорядитель, пришла в голову эта эксклюзивная идея с детективной игрой.

– Идея, говорите... Кстати, не сказал еще об одном. Другая сторона особняка выходит на бассейн. Вечером можно отлично искупаться. – Он задумался. – Все вызревало постепенно. В детстве из круга чтения я всегда предпочитал детективную литературу. Возможно, эти дет-

ские пристрастия трансформировались в идею создать придуманный, фантастический мир детективного романа. Потом возникали новые идеи, обрастали, как выражаются журналисты, мясом...

Обойдя все помещения и комнаты, они вновь вернулись в кабинет.

– У вас на столе газеты на немецком языке. Вы читаете по-немецки?

– Да. Кроме того, изъясняюсь на английском и фарси.

– У вас специальное образование?

– Да, когда-то заканчивал иняз.

– Скажите, все же почему «Завалинка»? Почему убийство «чисто русское»?

Распорядитель усмехнулся.

– Вы ведь русский?

– Русский, – поспешно ответил Мигульский. – Но дед у меня был поляк.

– Понятно. Значит, считаете, «Завалинка» звучит недостаточно привлекательно?

– Просто никогда не слышал подобного названия...

Гости съезжались. В отеле появились Захар Наумович Криг и его супруга Мария – оба с одинаковыми чемоданами. Криг – полнеющий брюнет средних лет – едва вошел, сразу уселся в кресло, стал покачивать ногой. Подвижные глаза его говорили о живом характере, правда, портила Захара Наумовича брезгливо оттопыренная нижняя губа. Возможно, это выражение было профессионально приобретенным. Мигульскому он отрекомендовался кандидатом медицинских наук, специалистом по СПИДу. После рукопожатия Эду сразу захотелось вымыть руки. Жена Крига представилась просто:

– Маша, – и улыбнулась. – Здравствуй, Эдик. Ты не узнал меня?

– Маша... Смеянова?! – Эдик сорвал очки. – Откуда ты здесь?

– Мы с мужем получили приглашение. Правда, пока еще не знаем от кого. Это – сюрприз. Кстати, познакомьтесь. – Мария повернулась к уже насупившемуся мужу. – Захар, это мой одноклассник, Эдик Мигульский.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Надо же где довелось встретиться, – восторженно продолжала Маша.

Ее рыженькое в конопушках личико, половину которого занимала белозубая улыбка, было так по-детски жизнерадостно и непосредственно, излучало такое тепло, что Мигульский подумал: «Надо же, такому хрычу досталась...»

– Ну, а ты как сюда попал, Эдик?

– Не поверишь! По редакционному заданию.

В три часа пополудни Эдуард откусал в обществе четы Кригов. «Некто Самсонов», как про себя назвал Распорядителя Мигульский, не обманул. На обед были предложены суп из черепахи, шашлык по-карски, заливное из сазана, мясной салат «Олимпия», всевозможные виды зелени, овощи и фрукты. Кроме того, подали красное и охлажденное сухое вино. Благодаря всему этому изобилию, и особенно последнему, журналист центральной газеты пришел в благостное расположение духа. В оставшуюся половину дня он знакомился с вновь прибывшими, а также отбивался от попыток Крига организовать и осуществить силами его газеты все-российскую акцию под лозунгом: «СПИД не пройдет!». Захар Наумович долго и запальчиво твердил о проблеме одноразовых шприцев, нервно посмеивался, жестикулировал, сверкал глазами... Эд искренне пожалел его несчастных пациентов. Мария же улыбалась и молчала.

Появилась новая парочка. И за версту можно было распознать, что это торгаши мелкого пошиба – и прежде всего, из-за претенциозной джинсовой «упаковки».

Мигульский вывернул шею, да так и замер, будто что-то у него заклинило.

Мария вскинула брови.

– Господи, да это же Карасев!

Мигульский вернул голову в естественное положение, развернулся на кресле.

– Карась, а ты откуда здесь взялся? – весело спросил Эд.

– На тачке приехал! – подчеркнуто небрежно ответил Виталик. – Привет, Маша. А у вас тут что – классное собрание, что ли?

– А ты, смотрю, здоровый стал, бугаина, – заметил Мигульский после того, как плечистый Виталик довольно сильно сжал его ладонь и при этом нагло улынулся. – Раньше был – ходуля на спичках.

– Качаюсь.

– Явно созрел для рэкета.

Наблюдение Эда не понравилось супруге Виталика – Ирине. Она тряхнула челкой и лениво отвернулась.

«Тоска», – определил свое состояние Эд, плюхнувшись обратно в кресло. Кто-то задумал идиотскую затею спустя пятнадцать лет собрать бывших одноклассников под крышей отеля с дурацким названием «Завалинка» и совершенно дурацкой игрой «Чисто русское убийство». Ему даже захотелось снять очки, чтобы видеть все расплывчатым, как на картинах импрессионистов. «О, великий импрессионизм! – с немим пафосом сказал себе Мигульский. – Сезанн, Ван Гог, Моне, Ренуар... Теперь я понял ваше величие: изображать краски, тени, очертания, но, не дай боже, – резко и пристально эти унылые человечьи лица. Вы так прекрасно прятали, затуманивали житейскую тоску!»

Мигульский презирал своих одноклассников.

Эд вдруг вспомнил о запропастившемся капитане, и тут его, что называется, озарило. «Вот чья это проделка! Как же он красиво меня развел!» Воспоминание о «Браунинге», который Эд видел у Шевчука, заставило его похолодеть. «Уж не собирается ли он устроить здесь свой суд?» Мигульский стал лихорадочно ворошить в памяти школьные эпизоды, где он мог случаем обидеть Шевчука. Но так и не припомнил ни одного. Шевчук и сам был не подарок: задира, хулиган, злой на язык. С ним здесь уж точно не заскучаешь...

Однако появились новые персонажи. Эд еле сдержал смех, когда увидел одноклассницу Анюту. Он узнал ее сначала по хрипловатому голосу. Накрашенная во все цвета радуги, в джинсиках, она вертела головкой, что-то доказывая своему спутнику – грузному мужчине лет шестидесяти в белом, как и у Эда, костюме.

Все вновь прибывшие сначала узнавали Эда. Узнала и она.

– Эдик, а ты чего тут делаешь? – Она тут же расхохоталась. – Ты такой прикольный стал.

– Да не только я. Тут уж почти полкласса собралось.

Анюта взглядом обвела зал.

– Фу ты, Машка здесь и Виталик. Эй, Виталя, вау, привет! – махнула ему рукой.

Тот ответил взмахом руки со своего столика.

– Азиз Алиевич, – представился Эду спутник Анюты и небрежно протянул руку.

И Мигульский тут же причислил его к своим врагам.

Эд холодно назвал себя полным титулом, указав, где и кем работает.

– Коммерсант, – отозвался на этот пассаж толстяк и вдруг улынулся. Глаза его смотрели хитро и оценивающе. «Коммерсант... Небось шаурмой торгует», – решил Эд и мило полюбощивал:

– А это ваша дочь?

Коммерсант нахмурился, дернул уголками рта и покачал головой:

– Ох, и шутник! Разве похожа? Это мой друг...

Последние его слова утонули в хохоте:

– Ох, умора, Азизка! Папочка! Теперь я буду называть тебя «папочка!» – заливалась девица.

Она, дурачась, сунула свою ладошку оторопевшему Мигульскому:

– А я – Анюта!.. Я его сначала называла Азизка– сосиска. Все никак не хочет похудеть. Представляешь? Мы сюда приехали, так это я его вытащила. Он все не хотел ехать. Дела, дела... Мужики, вы все такие ленивые!

– Анна, ты так кричишь... Вот молодой человек, кажется, растерялся.

– Это не молодой человек, это мой одноклассник. Азизка, я буду называть тебя папочкой. Фу, как здорово!.. Азизка, тут такие классные озера! Ух! Я хочу плавать на яхте!

Она тараторила без умолку, руки ее так и летали перед носами Эда и бедного Азиза, позванивали браслетами. Она ежеминутно поправляла свою взбитую разноцветную копну, подхватывала сползающую с плеча сумочку, пританцовывала, изгибая бедро, и успевала бросать по сторонам хитрющие взгляды... Злые языки утверждали, что в период, когда в стране девочки по вызову стали так же привычны, как сантехники из ЖЭКа, Анюта сразу же освоила эту древнейшую профессию. Как бы то ни было, но с аксакалом Азизом *вызов* явно затянется надолго, – оценил Мигульский.

– Извините, – наконец пробормотал Азиз Алиевич и почти насильно уволок свою девицу. – Куда, куда... Покупать яхту...

Мигульский посмотрел им вслед. Они зашли в тот самый, «королевский» номер.

– Всех тварей – по паре, – пробормотал он и вздохнул. Предстояло коротать время до ужина, на котором, по его прикидкам, могли побаловать и коньячком. Эд побрел в свой номер, который оказался уютным и чистым, и это приятно изумило его. Он улегся на диван и незаметно для себя задремал.

Проснулся он от грохота. На пороге с самым мрачным видом стоял Шевчук. На нем были потертые, хорошо – не рваные, джинсы и не менее старые кроссовки. Из-под рубашки хулигански выглядывала десантная майка.

– Ты пьян? – спросил Эд.

– Пошел к черту, – ответил Игорь и вошел в покои. – Ты что, спать сюда приехал? Теперь я понимаю, почему ты решил стать журналистом. Приезжаешь в командировку – и заваливаешься на ближайший диван. Лучшего и не придумаешь...

– У тебя хреновое настроение?

– Вот – у себя перед дверью нашел. Уже выезжать собирался – смотрю – на полу лежит конверт. Подсунули.

Мигульский взял письмо. Оно тоже было отпечатано на машинке.

«Шевчук! Мой брат писал мне, что ты брал на шмоне караванов два или три раза героин и никогда не сдавал его полностью. Ты не знал, что брат курил анашу. Мать его умерла от удара. Об твоих делах мы знаем. Надо поговорить. Жду в „Завалинке“. Брат – Евгений».

– Ну, что ты скажешь?

– По-моему, твоего друга здесь нет. – Мигульский заметно помрачнел, кашлянул и добавил: – Может, он объявится позже?

– А что тут за народ?

– А ты не знаешь?

– С какого бодуна – я только приехал.

– Тут прорва наших одноклассников. Только не говори, что это не ты всех нас сюда заманил.

– Не понял, каких, к черту, одноклассников?

У Шевчука так правдоподобно вытянулось от изумления лицо, что Мигульский не стал развивать тему.

– Сейчас пойдем на ужин – всех увидишь... Распорядитель обещал сделать нам игру.

– Мне своей хватает.

– Ты бы оделся поприличней.

– У меня, кроме формы, больше ничего нет.

– Зарабатывай на военных мемуарах...

Публика собралась в гостиной. Ждали Распорядителя.

– Вот, встречайте очередного кандидата на тот свет.

– Игорь, привет, сколько лет, сколько зим! – помахала ладошкой Мария.

Шевчук подошел к ней, глянул мельком на Крига, прищурился.

– Ты такая же красивая, времени не подвластна.

– А ты стал настоящим мужчиной. Я слышала, ты воевал в Чечне.

– Было дело, – глянув на ее мужа, пожелал: – Приятного вечера.

– И тебе тоже.

– О, Шевчук... Собственной персоной нон гратой.

Виталик уже взбодрился едва разбавленным джином. Он встал, протянул руку Шевчуку.

Игорь с достоинством пожал.

– Ты где сейчас? – спросил Виталия.

– Здесь.

– Не, ты кем работаешь, капитаном?

– Грузчиком.

– Да-а? – протянул Виталия удивленно.

– Что – не очень нравится? – любезно осведомился Шевчук.

– Мне не обязательно должно нравиться то, что нравится тебе.

– Это личное дело каждого, не так ли, девушка? – Шевчук вдруг вперился в Карасеву отчаянно-веселым взглядом. – Такое чувство, будто мы где-то встречались... Нет, показалось.

Простите.

Карасева смешалась, не зная, что ответить. Глянула на нахмурившегося мужа, пожала плечами.

А капитан уже отвернулся и тряс руки другим любителям детективного жанра. «Ерничают», – подумал Мигульский, ревниво наблюдая за товарищем.

Когда пригласили на ужин, Шевчук, улучив момент, прошептал:

– Бывает же такое, не поверишь! Кроме одноклассников, еще двух знакомцев встретил. Но они меня, бедолагу, кажется, не признали.

На ужине и в самом деле выставили коньяк. Мигульский поймал себя на том, что наличие спиртного порадовало его, но вот сам факт этой радости – слегка огорчил. Тем не менее он выпил несколько рюмок, по телу разлилось волшебное тепло, внутри стало уютно, и угрызения совести исчезли сами собой.

В конце трапезы появился Распорядитель. Он был в черном фраке и ослепительно белой рубашке.

– Для разминки сыграем в «мафию», – объявил он и обвел взглядом присутствующих. – Как я понимаю, эту старинную русскую игру никто не знает.

Все промолчали. Распорядитель извлек из кармана колоду карт и протянул бизнесмену.

– Виталий, попрошу вас, потасуйте и раздайте. Попрошу не беспокоиться, игра не на деньги.

– А мы можем и на деньги, – радостно сообщил тот.

– У нас был гость, которому почти два часа втолковывали, что «мафия» – это вовсе не картежная игра. Карты же – просто подручное средство... Он не соглашался играть, и нам пришлось с ним расстаться... Кстати, его супруга с ним не поехала, осталась, и, между прочим, прекрасно провела время...

– У вас такие строгие правила, – заметила Маша.

– Увы, правила диктую не я, а необходимость криминальной ситуации, в которую все мы уже вовлечены... Спасибо, Виталий. Попрошу внимания.

Распорядитель поднял вверх руку. На запястье блеснул фиолетовый огонек дорогой запонки.

– Итак, у каждого из вас одна карта. Значение имеет только масть: красная или черная. Двое из сидящих здесь получили красные карты. Они – члены мафии. Остальные шестеро, так сказать, обыкновенные, честные люди. По моей команде все вы сейчас должны закрыть глаза и, естественно, не подсматривать. Все строится на полном доверии друг к другу. По следующей моей команде обладатели красных карт открывают глаза, видят друг друга и, общаясь мимикой, жестами, выбирают свою жертву. Я кладу перед приговоренным карту «пиковая дама», я не сомневаюсь, вы понимаете, что это просто традиционная символика. Затем прошу всех открыть глаза. И тут начинается самое интересное. Все, разумеется, и «мафия», начинают активно вычислять «преступников»... По обыкновению все высказываются по очереди, а потом путем обычного голосования определяется и приговаривается к «смерти» наиболее подозреваемый. Как вы догадываетесь, совершенно никакой законности. Почти как в нашем просвещенном государстве... Приговоренный выбывает из игры, но имеет право молча наблюдать за происходящим. В моей практике лишь одна почтенная дама никак не могла понять условий игры. С ней тоже пришлось расстаться... Итак, не будем терять времени. Наступает ночь – и все закрывают глаза!.. Так, попрошу склонить головы и ладошками, ладошками прикрыть для надежности. Я понимаю, мы все джентльмены, хотя, уверен, не каждый сидящий здесь правильно напишет это слово... Внимание, «мафия» открывает глаза!

Мигульский опустил руки, огляделся, щурясь из-под очков. Напротив, так же, как и он, сидела бизнес-вумен Ира с вопросительным выражением на лице. Распорядитель стоял, скрестив руки на груди, и откровенно скучал.

«Тут должна быть какая-то определенная хитрая политика, какая-то последовательность в выборе», – сразу попытался определить систему Эд и понял, что все сидящие здесь ему одинаково безразличны.

– Прошу господ «мафиози» определяться побыстрее. Все с нетерпением жаждут крови, – поторопил Распорядитель.

Эд ткнул пальцем в сторону Виталика, тот своими огромными лапами полностью закрывал свою маленькую головку. Распорядитель едва заметно кивнул и положил пиковую даму на стол рядом с жертвой. Ира пожалала плечами: мол, почему именно он. Но Распорядитель жестом приказал прекращать переговоры и скомандовал:

– Наступил день. Все открывают глаза.

– Это мне? – изумился Виталик.

– Тебе, тебе! – радостно заверило общество.

Лицо у Виталика вытянулось, он обиженно хмыкнул и, как и супруга, пожал плечами.

– Итак, мафия совершила кошмарное убийство. И долг всех честных людей найти и изобличить преступников. Кто желает высказаться? Таковых нет. Ну, что ж, буквально через десять минут вы будете перебивать друг друга и слышать только себя. Начинаем с левого от меня угла стола. Прошу вас, Захар Наумович!

Криг растерянно улынулся, глянул на жену, та сидела с самым задумчивым видом, скручивала в трубочку бумажную салфетку.

– Я даже не представляю, кого можно назвать. Пожалуй, я воздержусь. Это можно?

– Можно, – сказал Распорядитель. – Хотя, как врачу, непростительно. Ведь ваша профессия – искать скрытый порок. Чем не поле деятельности наша игра? Я имею в виду определять профессиональных лжецов... Прошу вас, Мария.

Женщина отложила салфетку.

– Я думаю, исходя из теории вероятности, «мафиози» следует искать как среди мужчин, так и среди женщин, тем более, тех и других здесь почти поровну. Да и обидно не будет...

– Так кто же конкретно? – настойчиво произнес Распорядитель.

– Азиз Алиевич, – решительно сказала Маша.

В тот же миг расхохоталась заразительно Анюта. Вслед за ней смеялась вся компания. Азиз Алиевич растерянно крутил гривой, он отвлекся и не понял, что случилось.

– Прошу вас, господин Мигульский.

Эд уже успел продумать ответ и для отвода глаз решил пожертвовать товарищем, хотя и в этом никакой логики не было.

– Шевчук... Почему он – скажу так, что интуиция подсказывает.

– Теперь вы, капитан. Вы – следующий...

– Мстить не буду. Но для консенсуса, я правильно выговорил, Эд, для этого самого надо долбить кого-то одного, неважно, виновен он или нет, время, как известно, рассудит. Дружно убираем одного – круг сужается. Поэтому, так как я всех одинаково люблю и ненавижу, голосовать буду за набравшего большее число голосов «за».

– Позиция ясна. Прошу вас, Анна.

– Ну, папочку я, конечно, не отдам, хоть он тот еще мафиози... А, пожалуй, самый коварный здесь гражданин Криг. Да.

Захар Наумович глянул в ее сторону грустными маслинками и покачал головой.

– Азиз Али, теперь прошу вас!

– Я думаю, – хрипло начал тот, потом откашлялся, – я думаю, игра интересная, но ни к чему хорошему не приведет. Мафия всегда победит. Потому что все видит и тихо смеется. Вот Анюта смеется, может, она мафия? – с нажимом спросил он, отчего кавказский акцент прозвучал особенно сильно. – А, может, тот, кто больше молчит? А, может, тот, кто больше говорит? Надо смотреть друг на друга и замечать, кто хочет и с кем что хочет сделать; если увидишь, что дурачат, значит, отгадал. Я плохо, может быть, сказал. Мое слово – виноват Криг. Анюта знает, у нее сердце хорошо подсказывает.

– Благодарю. И, наконец, наша молодая леди.

Ирина глянула на Мигульского, но тот сидел с самым скучающим видом, пожала плечами и неуверенно произнесла:

– Наверное, все же Криг...

– Благодарю, – равнодушно произнес Распорядитель. – Виталий, вы не голосуете. Вас нет... Итак, подсчет голосов. Кто «за»? Раз, два, три... Вы тоже, капитан?

– Да, я же говорил...

– Четыре голоса... По остальным кандидатурам голосовать не будем. Уважаемый Захар Наумович, вы приговорены. Как выразился наш капитан, время покажет, справедливо или нет. Что тоже в духе нашего общества.

– Бедные евреи всегда страдают первыми, – вздохнул Криг, лишь бы что-то сказать.

Похоже, что он смертельно обиделся. Маша потерлась о его плечо, но он сердито отстранился.

– Ночь! – раздался повелительный голос. Все послушно закрыли глаза.

Мигульский уже решил, кто будет очередной жертвой. Убирать надо в первую очередь мужчин – они мыслят более логично, да и вообще женщин он всерьез не воспринимал. Эд показал в сторону Азиза, Карасева кивнула в знак согласия.

– Ну, вот, – сокрушенно произнес Алиев, обнаружив перед собой роковую карту.

– Кто говорил, что Азиз – мафия?

Он снял тубетейку, вытер платком бритую наголо голову.

– Не расстраивайтесь, Азиз Алиевич, – душевно сказал Криг, – сейчас игра примет для вас совершенно комичный оборот. Это – спектакль!

– Э-э, плохой спектакль. Зачем врем друг другу? – покачал головой Азиз.

– Итак, – возвысил голос Распорядитель, – игра продолжается. В скором времени я обещаюсь гонгом, и в нашем отеле будет как на встречах клуба знатоков... Мария, ваше слово в сложившейся ситуации.

– Я думаю, здесь, как говорили древние, надо искать женщину. Справа от себя я слышала характерный шум – а слух у меня хороший. Почти уверена – это Ирина, – и Маша улыбнулась, обнажив ровные белые зубки.

«Она – чудо, – подумал Эд. – Надо скорей ее нейтрализовать». А вслух он сказал: – Шум может произвести любой из сидящих здесь, в том числе и из выбывших из игры. Затекала нога, или там еще что-нибудь... Предлагаю порассуждать логически. Кто больше всех заинтересован, чтобы побыстрее, так сказать, выбить присутствующих, свести к минимуму? Тот, кто играет роль мафии!

– Но игра на этом и построена, – заметил Шевчук.

– Да, но ратовать за единомыслие в таком деле... Это напоминает известные исторические периоды...

– Только не надо про Сталина, – попросил Распорядитель. – В наших правилах – никаких политических споров.

– Я не собирался... Хочу сказать, что наш противник искусно старается снизить, вообще лишить игру интеллектуального содержания. Пустить поиск на волю случая.

– Так кто же он? – спросила Анюта, слушавшая Эда с открытым ртом.

– Я уже назвал его. Это наш бравый, впрочем, и коварный капитан. Напомню, именно он проговорился: голосовать без разбору, поддерживая большинство.

– Благодарю. Теперь ваше слово, господин капитан. Как вы оправдаетесь перед столь тяжкими обвинениями?

– Я не мстителен, – Шевчук покосился на своего товарища. – И речь вел только о том, чтобы скорей приблизить игру к развязке. И она уже рядом. И чем коварней враг, тем искусней его демагогия. Кстати, Эд, а почему ты голосовал за то, чтобы кончить нашего уважаемого Крига? Ведь ты называл меня.

– Именно потому, что был одинок.

– Ну, давайте конкретней. Потом будете выяснять отношения, – вмешалась Анюта. Ей не терпелось сказать свое слово.

– Прости, старина, но я называю тебя. Уж больно ты непоследователен.

– Анюта?

– Уверена, это Шевчук! Вот он молчит, а сам выбирает жертву. Вот увидите, следующей буду я.

Пока Анюта говорила, Азиз Алиевич пристально следил за ней. Потом вдруг произнес:

– Или я не прав, или ты так хорошо притворяешься!

– Папочка, ты о чем?

Азиз промолчал.

– И, наконец, Ира.

– Я думаю, это Мария. У нее, конечно, хороший слух. Но это, кстати, скрипел Виталья...

– А я и не скрипел, не надо, – пробасил вдруг тот.

За столом засмеялись.

– А вот и скрипел, медведь. Ты даже не замечаешь... Я хочу напомнить, как Мария назвала Азиза. Тогда вы тоже смеялись. Но все потом голосовали за доктора. А Азизу все равно карту подложили.

Маша улыбнулась.

– Зачем мне было голосовать за него открыто, если бы это можно сделать было, подкинув пиковую даму?

– А, наверное, не договорились!

– Надо определить тех двух человек, которые ни разу друг против друга не выступали и голосовали за одного и того же, – наставительно изрек Шевчук. Он усмехнулся и пристально посмотрел на Ирину. Та быстро глянула на него и опустила глаза.

– Кстати, ты с Ириной и с Аней ни разу не пикировался, – заметил Эд.

– И с Машей тоже. Я против женщин не воюю.

– И в Чечне тоже? – вдруг спросил Виталий.

– И в Чечне... – проговорил Шевчук и нехорошо посмотрел на Карасева. – А ты хочешь сделать какое-то заявление?

– Мне нечего заявлять... – Карасев повел литыми плечами.

– Друзья, – громко произнес Распорядитель. – Мне кажется, нарушаем джентльменское соглашение: никакой политики. Уважаемый Карасев, вам предупреждение!

– Вас по-о-нял! – нарочито протянул тот и откинулся в кресле.

– Сейчас я назову кандидатуры, выносимые на суд. Голосованием определим приговор. Как всегда, начнем по часовой стрелке. Итак, приговаривается наша Маша. Прошу голосовать.

Ирина дернулась, но, напоровшись на суровый взгляд Мигульского, почесала себе нос.

– Я передумала.

– Понятно, – усмехнулся Распорядитель. – Следующий кандидат на виселицу – Мигульский.

Поднял руку только Шевчук.

– Один командир корабля, пилот первого класса, – Распорядитель обвел всех взглядом, – проходя по салону самолета, походя пошутил: «Ну, что, смертнички, собрались?» И странно, почему-то никто его шутки не принял. Были и такие, которые потом пожаловались... Как будто он был должен дать им стопроцентную гарантию возвращения на землю. Кого мы убиваем следующего – капитана? Кто – «за»? Так... Эдуард, Ирина... Анята. Три голоса. Уже все ясно... Но – закончим круг, чтобы окончательно определиться в наших симпатиях. Это не менее занятно. Кончаем Анюту. Кто «за»? Нет таковых, как говорят в парламенте. Женщин действительно шадят. И совершенно опрометчиво. И последняя – Ириша... Понял вас, Мария, ваш голос учтен. А всех остальных прошу учесть ее слух... Итак, Шевчук. Можете сидеть. Прошу принять соболезнование по поводу вашей казни. Это грустно.

– Интересно, что бы подумал человек, который бы подслушивал нас? – задумчиво произнес Захар Наумович.

– Слава богу, здесь нас никто не услышит... – отозвалась Маша.

– Игра подходит к концу. Последняя ночь! Мафия открывает глаза. Так... Наступает день. Карта у нашей очаровательной Марии.

– Эдуард, я знаю, это она, это Ира. Давайте против нее голосовать, – вдруг зачастила Анята. Она заметно порозовела, видно, что игра захватила ее. Она забыла о своем папочке, который равнодушно наблюдал спектакль и незаметно нюхал какую-то дрянь.

– Погодите, Аня, – усмехнулся Распорядитель. – Вы хотите установить союз с одним мафиози против другого? Это немисливо, игра закончена, и, увы, она подтвердила старую истину: мафия бессмертна. Уважаемые Эдуард и Ирина, действовали вы почти безупречно. У вас, Эдуард, была пара неплохих логических вывертов, хотя, конечно, построенных на чистойшей демагогии. Я понимаю, это профессиональное.

Мигульский сдержанно кивнул на подпорченный комплимент, Ирина же расцвела. И тут все разом заговорили, загалдели, словно желая тут же подтвердить истинность мысли: все мы крепки задним умом.

– Друзья, – вновь заговорил Распорядитель. В голосе его почувствовалось что-то заговорщицкое. – Я хочу представить вам моих помощников.

Внезапно двери отворились, на пороге появился высокий человек в красном костюме и с огромной серебряной бабочкой под горлом. Круговым движением руки он поправил остатки

черных волос вокруг лысины и щелкнул каблуками. В другой руке он держал серебряный поднос.

– Это Кент, – представил Распорядитель. – Он профессиональный артист. Ему не очень везло в карьере. Но в нашем отеле он нашел себя, хотя уверяет, что все еще продолжает искать. В этом, я думаю, нам еще предстоит убедиться... Я все правильно сказал, Кент?

– Вы всегда правы, господин Распорядитель, – бесстрастно заметил тот.

– А где же второй помощник? – спросил Карасев.

– Минутку терпения... Я уверен, что второму помощнику будут рады мужчины, потому как он сегодня играет особую роль. Мой помощник Юм! – провозгласил Распорядитель и показал на стену.

Гости недоуменно переглянулись, но тут обшивка из черного мореного дуба разверзлась, в стороны отлетели ставни и всем предстало ярко освещенное помещение с множеством бутылок на полках. Откуда-то снизу выпорхнул пухленький толстячок с растрепанным чубчиком, неожиданно ловко перемахнул через стойку, даже не задев стоящие на ней стаканы.

– Я тут, хозяин! – Он поклонился.

Гости заплодировали. Особенно, как и предупреждал Распорядитель, неистовствовали мужчины. Тут же у стойки образовалась очередь. А Распорядитель продолжил:

– Он тоже профессиональный артист, причем самого широкого амплуа. Он начинал петь в опере, потом были какие-то неурядицы, трения. В мире искусств, как все мы знаем, склок и конфликтов не меньше, чем где-либо... Вы нас побалуете своим пением, Юм?

– Охотно, – артист откашлялся, выбросил вперед левую руку, но передумал, опустил ее и поднял правую.

– Устал я греться у чужого огня. Но где же сердце, что полюбит меня. Живу-у без ласки... – проревел он, запнулся, низко поклонился и признался:

– Дальше не помню. Кажется, ему надо было ходить в маске, – и Юм пожал плечами.

– О, боже, – тихо сказала Маша.

– Я согласен, скверно, – повернулся к ней Распорядитель. – Надеюсь, Юм, вы реабилитуетесь в роли бармена.

Последние его слова утонули в громогласном сочном баритоне:

– Кто может сравниться с Матильдой моей, сверкающей искрами чудных очей! Как на небе звезды осенних ночей, все страстную негой дивно полно, в ней все опьяняет, в ней все опьяняет и жжет, как вино...

Голос был силен, густ, потрясал оперной статью, и пока Кент не пропел куплет до конца, все, замороженные, стояли с открытыми ртами.

Первой заплодировала Мария, по ее примеру бешено заплодировал Захар Наумович, тут же присоединился и Виталий, его огромные ладони звенели от ударов, будто два хороших металлических блина.

– Ария Фигаро! – бесстрастно объявил Кент и на одном дыхании исполнил очередной шедевр.

Выждав, когда смолкнут овации, Распорядитель сказал:

– Поблагодарим Кента, у него потрясающие вокальные данные. Благодарю вас, Кент, на сегодня вы свободны.

Тот коротко поклонился и исчез за дверями. Тут же раздался приглушенный грохот, что-то зазвенело.

– Кажется, упал поднос, – констатировал Шевчук. Он стоял последним в очереди.

Мигульский взял порцию шампанского со льдом и рюмку коньяка, а Шевчук, не колеблясь, заказал сто пятьдесят водки. Платили, не отходя от стойки.

– Разжился деньгами? – спросил Эд.

– Получил выходное пособие... Да и черт с ними, нет уже здоровья грузчиком ишачить...
Пойдем в тот дальний угол. Там как раз два кресла и столик.

– Так кто ж твои знакомые? – нетерпеливо спросил Эд.

– А ты как сам думаешь?

– Кто-то из женщин?

– Ход мыслей правильный.

– Значит, Ира.

– Карасева. А раньше была Поповой. Видишь, сидит, спинка напряженная, но виду не подает. Никогда б не подумал, что она за Карася замуж выйдет. Дебил. Я еще лейтенантом был, когда познакомился с ней. В отпуске зашел к друзьям, они поволокли меня на какую-то хату. Там – студентки, портвейн льется, нравы простые, все друг друга любят. В общем, весело было. Я с ней до самого конца отпуска встречался. А потом, как пишут в романах, следы ее затерялись.

– В романах не так пишут. Прошли годы. И вот однажды в маленьком отеле граф Шевчук увидел женщину, лицо которой показалось ему до странности знакомым...

– Неплохо.

– Ну, а кто второй, доктор?

– Доктор. Он, правда, тогда не такой чопорный был. Попроще. От триппера меня лечил. За деньги, естественно. В госпиталь мне идти не хотелось – настучали бы на работу. Я ему потом еще австрийскую зажигалку на пьезоэлементе подарил. У него в кабинете во всю стену муляжи висели пораженных половых органов. В цвете, во всей красе. Пока доктор с мазками возится, стоишь, рассматриваешь, просвещаешься, делаешь для себя выводы. Идет процесс покаяния. Вот такой Захар Наумович... А сейчас, видишь, чуть ли не светило научное.

– И, конечно, не хочет вспоминать о своей подпольной практике.

– Еще бы! Ведь в «кожвенке» порядок такой: не лечат, пока не назовешь имя дамы сердца... Только давай, Эд, о моих знакомых – никому. Договорились?

– Ладно.

– Доктора, доктора скорей! Какое несчастье! – вбежал Азиз, он растерянно озирался, наконец заметил Крига:

– Вы же – доктор, скорее, помогите!

– Что случилось?

– Там... Такое несчастье!..

Все сорвались с мест. В дверях возникла давка, толпой выскочили в коридор. В ярком свете люстры мерно раскачивалось тело повешенного. Это был Карасев. Ирина при виде его издала дикий вопль. Все оцепенели, прикидывая возможные последствия этой пренеприятнейшей ситуации. Захар Наумович как замороженный смотрел на посиневшее, почти до черноты, лицо повешенного, потом медленно перевел взгляд на его ботинки.

– Что ж вы стоите, быстрее несите стул! – первым опомнился Шевчук.

И тут повешенный высунул язык и нахально подмигнул, потом вытащил из кармана платок и шумно высморкался:

– Наверное, на сквозняке протянуло... – заметил он из положения сверху.

Раздался глухой стук: Аня хлопнулась в обморок. Потом что-то заскрипело, и повешенный плавно вернулся на грешную землю. Но момент воскрешения был подпорчен. Лишь ботинки коснулись пола, Виталий получил крепкую оплеуху от молодой супруги.

– Ты подлец! – с чувством высказалась она и с размаху вlepила вторую пощечину. Тут она заметила Распорядителя:

– А шуточки ваши идиотские – хуже некуда.

Распорядитель повернулся к Виталию:

– Вы же сказали, что обо всем предупредили супругу! Значит, обманули меня!.. Мне очень жаль, Ирина, что ваш муж такой черствый и грубый человек. Что же касается остальных посетителей, позволю напомнить, что в названии моей игры присутствует слово «убийство».

Пока Карасев распутывал на себе хитроумные ремни, на которых он был подвешен и которые были скрыты под пиджаком, Распорядитель продолжил:

– Моя игра сопряжена с риском нервного срыва. Надеюсь, этого не произойдет, если уважаемые гости будут выполнять мои рекомендации... Кстати, как вы, милейший доктор Криг, оцените цвет лица удушенника? Не переживайте, Виталий, сейчас в вашем лице есть что-то притягательно-сатанинское.

Криг пожал плечами:

– Вообще-то моя специализация – венерические болезни...

Карасев наконец распутался и поспешно исчез в своем номере. Оттуда донеслись приглушенные крики: «Ты сделал меня посмешищем в глазах твоих кретинов-одноклассников!..»

– Ну вот, одна драма налицо, – невозмутимо отметил Распорядитель.

– А вы что, собираетесь устроить вселенский скандал? – спросил Шевчук.

Распорядитель холодно посмотрел на Игоря и небрежно обронил:

– Все драмы и скандалы находятся внутри людей. И я тут абсолютно ни при чем... Кстати, весь прошлый заезд, все до единого человека, пожелали быть сфотографированными в повешенном виде. Я даже думаю сделать это доброй традицией моего заведения. Портрет в петле и с золотым тиснением: «На долгую память об отдыхе в отеле „Завалинка“.» Или же: «Добро пожаловать в отель „Завалинка“.»

– Второй вариант, по-моему, лучше, – заметил Мигульский.

– Возможно... Фотоаппарат к вашим услугам. Разумеется, за дополнительную плату. Спокойной ночи, господа!

Распорядитель коротко поклонился, четко повернулся и вышел.

– У него выучка лакея высшего света, – бросил негромко уже окончательно пришедший в себя Криг.

– Зря, доктор, уж на лакея он совсем не похож... Он не берет чаевых, – произнес Шевчук и многозначительно усмехнулся.

Установилась несколько нервозная тишина. Бледная Аня сидела в кресле. Азиз обмахивал ее платком. В полном молчании гости бесшумно поднялись и разбрелись по номерам. Алиев помог подняться своей подруге, пробормотал безадресное «спокойной ночи». Мигульский и Шевчук остались вдвоем.

– Пошли ко мне, – предложил Игорь. – У меня есть бутылка водки.

– Давай глянем, может, еще бар открыт.

Но створки были плотно закупорены, будто бара и не существовало.

– А закуска есть? – спросил Мигульский.

– Вот закуски нет.

– погоди, я сейчас захвачу печенье...

Они уселись в кресла и, не глядя друг на друга, по очереди налили себе водки. Выпили молча.

– Ну, и как ты думаешь, кому пришла затея собрать нас в этом отеле? – спросил Игорь, с отвращением пережевывая печенье.

– Ну, точно, не я. Я думаю, он появится последним, приедет на крученом «Бентли», а мы, приняв на грудь хорошую дозу дармовой выпивки, будем благодарить его за то, что он собрал нас всех под этой крышей.

– А я только и делаю, что прицениваюсь, то к одной роже одноклассничка, то к другой.

– Его или ее здесь нет. На Машу подумать – нелепо. Аня? Идиотом надо быть, чтоб даже представить это.

– Кто знает, может, именно она заставила своего «папуся» раскошелиться на приглашения всем нам. Конечно, не простой мальчик, но он всецело занят своей «беби», небось, сбежал от морщинистой Гюльчихры и доволен, как мартовский кот. Карасев достаточно ограничен, чтобы плести какую-нибудь интригу... А может, это Ирэн морочит тебе голову? Она никакого отношения к Стеценко не имела?

– Нет. Здесь никто не мог знать Стеценко.

– Так. А местный персонал? Мальчик тут ходит, Мустафа, кажется, завтраки в постель разносит...

– Распорядитель мне не по душе. – Шевчук опрокинул в себя водку, закашлялся. – Корчит из себя великого гения. Козел... Не разберешь, чего у него на уме.

Шевчук вытер пот со лба, снял потрепанную куртку, повесил небрежно на спинку стула. Раздался характерный стук. Мигульский покосился на оттопыренный карман.

– У тебя там бомба?

– Не угадал. Пистолет.

– Ты хочешь устроить здесь перестрелку?

– Я не хочу, чтобы со мной невежливо обращались.

Мигульский снял очки и потер переносицу. Без очков он стал похожим на сову: нос казался длиннее и крючковатее.

– Похоже, я вляпался с тобой в нехорошую историю. Те ребята явно связаны с наркобизнесом. И тебе, Шевчук, лучше по-мирному отделаться от них. Прибьют – и концов не отыщешь.

– Какой еще наркобизнес! – раздраженно отреагировал Игорь. – Даже если я и вывез из Чечни наркотики, – ведь столько времени прошло, давно бы куда-нибудь сплавил.

– Не будь наивным, – саркастически усмехнулся Эд. – Ты им нужен, чтобы прощупать насчет связей с наркodelьцами. Им нужны курьеры, как их там, гонцы, нужны боевики – крепкие парни, которые умеют обращаться с оружием. Ветераны войны для них, сам знаешь, в цене. Вспомни, как намекали на дела с наркотой. Хотят взять тебя на крючок. Видят, парень бедствует. Решили для начала сделать тебе путевочку, чтоб почувствовал красивую жизнь.

Шевчук зевнул, пробормотал:

– И для того, чтобы показательно грохнуть меня, собрали полкласса. Раззевался я чего-то.

Он достал пистолет, положил перед собой, рассеянно погладил пальцами рукоятку, ствол. Несмотря на жару, металл был прохладным.

В дверь постучали. Шевчук вздрогнул, поспешно спрятал оружие.

– Войдите! – крикнул он.

Это была Ирина. Она заметно смутилась, завидев в номере двоих мужчин.

– Извините, пожалуйста... Игорь, можно вас?

Шевчук с готовностью поднялся, шагнул к двери, но тут же вернулся, небрежно набросил куртку.

– Пошли.

– Давай спустимся во двор, – шепотом сказала Ира.

В полном молчании они спустились на первый этаж, отодвинули дверной засов и вышли на воздух.

– Боже, Игорь, если б ты знал, что я пережила, когда увидела тебя! Даже думала, что Виталья услышит, как колотится у меня сердце. А ты еще: «Виделись где-то»... Господи, думаю, только ты молчи, молчи, ничего не говори больше и не спрашивай.

Шевчук притянул Ирину к себе и почувствовал, как напряглась его спина.

– Сколько ж лет мы с тобой не виделись? Десять? Двенадцать? Куда ты исчезла? Я тебя искал...

– Родители поменяли квартиру... А потом... потом я вышла замуж.

– За Витьку?

– Нет, за другого. Через некоторое время развелась. А с Виталей мы поженились неделю назад. Детей нет... Ирония судьбы – с вашим классом. Просто в голове не укладывается, что вышла замуж за твоего одноклассника. Ну, а ты как жил эти годы? – спросила Ира и оглянулась по сторонам. – Еще увидит кто.

– Мужа боишься?

– Муж в постели. И уже не встанет. Я устроила ему скандал и сказала, что не смогу заснуть, если не подыщу свежим воздухом. Такой идиот... У меня чуть сердце не лопнуло, а он еще язык высунул.

Шевчук хмыкнул:

– Тебе с ним будет весело.

– Он всегда таким придурком был?

– Не всегда. В первом классе был нормальным.

– Но я ж не могла выйти замуж за него в первом классе. Ладно о нем. Ты мне не рассказывай о себе. Как ты жил?

– Как жил? Служил – не тужил. Сначала в Забайкалье, потом в Чечне, в десантно-штурмовом батальоне. Под Грозным получил обширные осколочные ранения, контузию, был в реанимации, откачали, потом частичная потеря памяти. Восстанавливался долго. В общем, отделали меня так, что пришлось по здоровью уволиться из армии. Стал я несколько нервным, жена меня сначала терпела, потом не вынесла и ушла вместе с дочерью.

– А кем ты сейчас работаешь? – Она смотрела на него, в темноте близко-близко сияли ее глаза.

– Сказать по правде – никем. Последнее место – грузчик...

– Ты постарел, – она вздохнула. – Я сразу заметила: у тебя виски поседели.

Ира погладила его по голове, прижалась к нему.

– А руки у тебя такие же крепкие. Ты тогда еще пацан был, а сейчас – мужчина, загадочный, романтичный. Такие, как ты, девочкам нравятся.

– Если есть деньги...

– Игорь, – она запнулась, потом тихо-тихо спросила: – А я сильно изменилась?

Он взял ее лицо в свои ладони, взгляделся нарочито внимательно и очень серьезно сказал:

– Не могу лгать женщинам... Ты все такая же юная вертихвостка!

– Да ну тебя, – сердито произнесла она и склонила голову ему на плечо.

Игорь поцеловал ее и, задохнувшись, прошептал:

– А губы у тебя все те же...

– Какие же?

– Мягкие и податливые...

– Это плохо?

– Это хорошо, – Игорь снова стал целовать ее, а она обвила руками его шею, чувствуя, как кружится голова и почему-то слабеют ноги.

– О, ужас, что я делаю... – Она оттолкнула Игоря, отступила. В свете луны был виден лишь темный овал ее головы. Она смотрела вниз и куда-то в сторону.

– Игорь, никто не должен знать о наших отношениях, надеюсь, ты понимаешь. Виталия такой ревнивый, он просто свирепеет... И вообще извини, мне уже пора.

Ира осторожно проскользнула за дверь, через минуту вслед за ней вошел Игорь, тихо задвинул засов.

... Шевчук ворочался в постели, не мог уснуть, брал на ощупь спички, чиркал в темноте, раскуривал потухшую сигарету, сосредоточенно пускал к потолку невидимые клубы дыма, следил за красным мерцающим глазком сигареты.

...Все случилось во время его второго лейтенантского отпуска в мае. Да, именно в мае. Уже отцвели сады, и белая, розовая, голубая кипень осыпалась и рассеялась по земле, алым пожаром полыхали розы, источая по вечерам сладчайший аромат. Деревья набухли от избытка зеленой массы, поднимался ветер, и листва отвечала ему многоголосым шепотом.

Они больше никогда не возвращались в компанию, которая сблизила их, так безоглядно толкнула друг к другу. После третьей, четвертой, а, может, пятой встречи между Игорем и Ириной наметились и с тех пор все более определялись особые отношения, которые уже предполагали доверительность, деликатность в чувствах и не терпели налета случайности, неопределенности и необязательности. Игорь по ночам возвращался домой, шел на цыпочках по скрипучим половицам, будил домашних. В постели он долго не мог уснуть, прислушивался к ударам сердца. Ирина же напрочь забросила подготовку к экзаменам, и все дни напролет проводила с ним. То бездумно-счастливое время осталось запечатленным на снимке. Фотограф снял их возле кафе «Голубые купола», потом по почте пришла карточка. Он долго хранил ее в кармане, а потом по рассеянности выстирал вместе со своей офицерской рубашкой. И фотография превратилась в склизкую истертую тряпицу. А вскоре поблек и мимолетный образ давней подружки.

Следующий отпуск был через полтора года. Чувствами юного офицера владели иные женщины. Полтора года – огромный срок! Правда, он пытался отыскать Ирину, но – неудачно. А потом он женился, так и не узнав, что Ира вышла замуж годом раньше. Семейная жизнь довольно скоро наскучила своей обыденностью, особенно угнетал нищенский быт, которого он как-то раньше не замечал. «Заметить» помогла молодая жена. Со службы он возвращался поздно, но и в те короткие вечерние часы она успевала выразить недовольство убогой частной квартиркой, туалетом на улице, пустующим холодильником, проклинала забайкальский край, в который занесла ее нелегкая, соблазненную перспективой романтической жизни. Игорь скрывался от этих стенаний на службе, задерживался как мог, чувствуя, что вот-вот грядет развязка их недолгого союза. Когда началась чеченская война, он трижды подавал рапорты, не желая сознаваться в душе, что делает это лишь для того, чтобы сбежать от пустоты и разочарований семейной жизни. Но тут Ольга забеременела и через положенное время родила девочку. И тут уж стало не до споров и упреков. Надо было выживать. Выживать втроем – среди холодов, пыли, антисанитарии. И вроде бы что-то уже налаживалось в жизни, вечером ноги сами несли его домой, и во взгляде Ольги появилось нечто новое: не то что смирение – извечная женская духовность, мудрость, которые приходят вместе с материнством, и лишь ему подчинены. Но тут неожиданно-негаданно пришел приказ – в Чечню. Узнав об этом, Ольга словно закаменела и целую неделю, которую отвели на сборы, разговаривала сквозь зубы. Лишь в последний день смягчилась, всплакнула, неизвестно, кого больше жалея. Уехал он с тяжелым сердцем, с глухой обидой в душе. Он долго не писал, лишь через месяц отправил небольшую записочку с адресом полевой почты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.